

Научная статья
УДК 343.144
EDN LWAMCM
DOI 10.17150/2411-6122.2023.4.28-40

Вопросы в допросе подсудимого по УПК РСФСР 1923 г.

Л.А. Зашляпин

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, simple.teacher@outlook.com

Аннотация. Современные проблемы регулирования уголовно-процессуальных отношений могут связываться с использованием в действующем законе в явной и скрытой форме нормативных идей из предыдущего законодательства, образуя эклектичные нормативные конструкции. Правила УПК РСФСР 1923 г. о допросе подсудимого (научные интерпретации этих правил) на конкретном уровне формулирования и использования вопросов допрашивающими лицами позволяют констатировать отсутствие правоотношений в данном процессуальном действии. Лица, обладавшие правомочием на вопросы подсудимому, могли использовать вопросы только во второй части допроса (после дачи личных объяснений). Подсудимый не имел юридической обязанности давать ответы на вопросы допрашивающих лиц. Ответы образовывали показания подсудимого, которые прямо не рассматривались в качестве доказательства. Процедура дачи личных объяснений влекла образование доказательства, но не предусматривала активности допрашивающих лиц в форме их вопросов. Возможно, что УПК РСФСР 1923 г. содержал нормативную идею исключения допроса подсудимого для цели собирания доказательств.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовный процесс, судебное следствие, процессуальное действие, допрос, показания, объяснение, доказательство, подсудимый, вопросы.

Для цитирования: Зашляпин Л.А. Вопросы в допросе подсудимого по УПК РСФСР 1923 г. / Л.А. Зашляпин. — DOI 10.17150/2411-6122.2023.4.28-40. — EDN LWAMCM // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2023. — № 4. — С. 28–40.

Original article

Questions in the Interrogation of the Accused under the Criminal Procedure Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic of 1923

L.A. Zashlyapin

Northwestern Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg,
the Russian Federation, simple.teacher@outlook.com

Abstract. Modern problems of regulating criminal procedure relations could be traced to the preservation, both explicit and implicit, of normative ideas from the past legislation in the current law, which leads to the formation of eclectic normative constructs. The rules of the Criminal Procedure Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic of 1923 on the interrogation of the accused (the scientific interpretation of these rules) at the specific level of the formulation and use of these questions by the persons conducting the interrogation testify to the absence of legal relations in this procedural action. Persons authorized to ask questions to the

accused could only do so in the second part of the interrogation (after the personal statement). The accused was under no legal obligation to answer the questions of the interrogators. The answers compiled the testimony of the accused that was not directly viewed as evidence. The procedure of giving personal statements led to the formation of evidence, but did not provide an opportunity for the interrogators to take action by asking questions. It is possible that the Criminal Procedure Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic of 1923 contained the normative idea of excluding the interrogation of the accused for the purpose of collecting evidence.

Keywords: criminal court proceedings, criminal process, court inquiry, procedural action, interrogation, testimony, statement, proof, the accused, questions.

For citation: Zashlyapin L.A. Questions in the Interrogation of the Accused under the Criminal Procedure Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic of 1923. *Sibirskie Ugolovno-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2023, no 4, pp. 28–40. (In Russian). EDN: LWAMCM. DOI: 10.17150/2411-6122.2023.4.28-40.

Введение

100-летие принятия и вступления в силу Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г. (далее — УПК 1923 г.) естественно привлекает внимание к данному нормативному акту. Социальные катаклизмы 1917–1922 гг. (революционное изменение социального строя и отказ от законодательства Российской Империи; правовой нигилизм в форме революционной законности и т. д.), предшествующие принятию рассматриваемого УПК 1923 г., закономерно могли формировать желание пришедшего к власти правящего класса к установлению юридического порядка. Одним из средств наведения такого порядка в уголовно-процессуальной сфере был рассматриваемый в настоящей статье закон.

Сегодня российский социум равно находится в состоянии перехода от советских моделей регулирования уголовно-процессуальных отношений к иным. Социальные катаклизмы являются реальностью и настоящего времени. Состояние общества и социальных норм, регулирующих его жизнь, отчасти схожи с его состоянием в первой половине XX в. При этом действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ 2001 г.

(далее — УПК 2001 г.) не является примером стабильных нормативных правил, представляет из себя конгломерат принципов, институтов и отдельных норм, вступающих между собой (а равно с системой права) в коллизию.

Правосознание, имеющее элементы консервативности, стремится к моделям прошлого. По этой причине не исключается заимствование в современный уголовно-процессуальный закон идей советского законодательства. Если УПК 1923 г. был сконструирован как антипод Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — УУС), то современное законодательство является таковым относительно советского уголовно-процессуального законодательства.

Вероятно, современным юристам надо принять как очевидный факт то, что обнаруживаемые недостатки действующего уголовно-процессуального закона, выявляемые учеными-процессуалистами, решениями Конституционного Суда Российской Федерации, могут быть следствием ошибочных моделей регулирования, выбранных современным законодателем. Однако, эти ошибки могут быть детерминированы в свою очередь советским УПК 1923 г. Нормативные идеи, реализованные в

нем, могли транслироваться в явной или скрытой форме в современный закон, предопределяя его нестабильность и коллизионность.

Актуальность исследования проблем допроса подсудимого может обосновываться тем процессуальным положением, которое занимает данный участник в уголовном процессе. Подсудимый — центр уголовного судопроизводства, на него направляется функция персонифицированного уголовного преследования, в отношении него дело должно быть рассмотрено по существу, его позиция определяет деятельность защитника и иных субъектов. Нет подсудимого — нет и производства по уголовному делу. При этом допрос данного участника может проявлять тип уголовного процесса, реализованный в законе, реальность нормативно провозглашенных принципов или имитационность их действия, саму сущность уголовного судопроизводства.

Если обращаться к теоретической разработанности проблематики допроса подсудимого, то относительно советского периода юриспруденции можно назвать лишь одно монографическое исследование, непосредственно посвященное данному институту. Это диссертационная работа О.А. Соя-Серко «Допрос подсудимого в советском уголовном процессе» (1969 г.) [1]. Современная юриспруденция более часто обращается к различным аспектам данного процессуального действия на уровне журнальных статей. При этом работ, исследующих допрос подсудимого по правилам УПК 1923 г. в узком аспекте, связанном с правилами использования вопросов в этом допросе, нам не известно. Последнее не исключает новизну представляемого исследования, являющего из себя комплекс наших работ этой тематики [2, с. 94–99].

Объектная область исследования, предопределяя научную задачу, связывается с таким узким сегментом УПК 1923 г. как правила формулирования и использования вопросов, которые могут задавать данному участнику уполномоченные на это лица. Сегментация объектной области как метод исследования будет связываться с использованием эталонной модели уголовно-процессуальных отношений в допросе подсудимого, нормативной базой которых будут вопросы как основное содержание данного вербального действия. Гипотетически мы можем предполагать, что регулирование вопросов в допросе подсудимого по правилам УПК 1923 г. не соответствовало классической конструкции уголовно-процессуальных отношений.

Основная часть

Процессуальный порядок представления вопросов подсудимому определялся следующими положениями закона.

Во-первых, правомочие на вопросы подсудимому (элемент полномочий властных участников уголовного процесса; элемент субъективного права невластных участников) советским законодателем придавалось нескольким субъектам:

А) председательствующему; иным судьям (в законе указано — «остальным судьям»), под которыми подразумевались члены судебной коллегии, при этом первым правомочие на вопросы подсудимому использовалось данным участником (ст. 283 УПК 1923 г.);

Б) обвинителю, что необходимо было связывать с обвинительными полномочиями сотрудников прокуратуры; потерпевшего, если законом такое предусматривалось; уполномоченного лица профсоюзов; инспектора труда;

представителя рабоче-крестьянской, технической, продовольственной, санитарной инспекций; иных лиц по определению суда (ст. 50, ст. 283 УПК 1923 г.). Можно предполагать, что прокурор как классовый представитель властвующей социальной группы и иные представители государственных и общественных структур советского государства не предполагались носителями узкой компетенции и компетентности (лингвистической, логической, процессуальной, криминалистической) в части формулирования и использования вопросов в допросе подсудимого. Очевидно, что включение в перечень лиц, уполномоченных на постановку вопросов подсудимому, являлось наличием процессуального интереса, объектом которого был подсудимый. Использование вопросов в допросе позволяло данным участникам реализовать свои процессуальные задачи.

В) Гражданскому истцу (ст. 283 УПК 1923 г.). Таковым могло быть любое физическое или юридическое лицо, для статуса которого правовая культура, позволяющая представлять подсудимому оптимальные по форме и содержанию вопросы, так же не была необходимым требованием. При этом законом правомочие на вопросы подсудимому представителя гражданского истца не предусматривалось. В этом случае, как фактор вопросов выступал личный процессуальный интерес истца в уголовном деле. Статус же истца не предполагая наличия профессиональных юридических компетенций, допускал в судопроизводство и правописание бытовое применение правил о вопросах в допросе подсудимого.

Г) Защитнику (ст. 283 УПК 1923 г.), то есть члену коллегии защитников (в современной терминологии — адвокату), близким родственникам подсуди-

мого, опять же представителям различных неюридических государственных и общественных организаций или даже иным лицам с разрешения суда. Если адвокат, являясь бывшим присяжным поверенным Российской Империи, в этом случае мог быть носителем профессионального юридического сознания (выпускником юридического факультета, обладающим необходимыми компетенциями), то значительная часть иных лиц, которые могли выступать в качестве защитников, таких компетенций не имели.

Надо полагать, что законодатель в силу перечисленных причин или не считал необходимым детально регулировать вопросные процедуры, адресатом которых являлся подсудимый, или осознанно принижал значение судебного допроса подсудимого как средства для получения процессуального доказательства. Примечательно, что судебному допросу свидетеля в УПК 1923 г. посвящено десять статей, а сам процессуальный порядок допроса сконструирован согласно классическому содержанию правовых отношений. Нормы же о допросе подсудимого, включающие правила об использовании вопросов, представлены лишь в ст. 283 УПК.

Д) Другим подсудимым по рассматриваемому уголовному делу (ст. 283 УПК 1923 г.). В этом случае доминирующим так же мог быть непрофессиональный опыт и знания в части использования вопросов.

Непосредственная фиксация в правилах допроса подсудимого правомочий различных участников на вопросы подсудимому не означала предусмотренности данного права в общих полномочиях, властных или субъективных правах невластных субъектов уголовного процесса. Формальной определенности данного правомочия в полномочиях

председательствующего, народного заседателя, иного члена судебной коллегии (ст. 257 УПК 1923 г.) в законе не было. Такой же подход был реализован законодателем и относительно определения общей процессуальной компетенции обвинителя, защитника, гражданского истца. Вероятно, это не виделось значимым. Юридическая техника современного закона более прогрессивна, предусматривает, например, правомочие защитника на вопросы в разделе действующего закона о его общих полномочиях (ст. 53 УПК 2001 г.), а далее содержит регулирование порядка использования этого правомочия в судебных допросах (ст. 275 УПК 2001 г.). Правомочие на вопросы подсудимому в рассматриваемом законе концентрировалось лишь в диспозитивной части нормы ст. 283 УПК 1923 г.

Во-вторых, реагирование подсудимого на вопросы суда и сторон в качестве его юридической обязанности отвечать на вопросы в законе не предусматривалось. Это совершенно логично, однако для нас интересно выявление реального содержания отношений, возникающего на основании УПК 1923 г. В такой модели регулирования мы не видим очевидных и необходимых признаков правоотношения. Диспозиция норм о вопросах подсудимому, образывавшая право, являлась относительно определенной, допуская элемент свободы для лица, задающего подсудимому вопросы. Юридическая обязанность подсудимого отвечать на вопросы отсутствовала. В такой ситуации в качестве регулятора могли выступать внеправовые средства.

Относительно же процедуры получения личных объяснений подсудимого (статьи 58, 282 УПК 1923 г.) возможность задавания вопросов подсудимому в этом процессуальном действии за-

коном не предусматривалась, соответственно и его ответы так же.

В-третьих, объектом правоотношений, ради которого управомоченные и обязанные лица могли бы вступать в связь, советский законодатель не видел показания подсудимого. Таковыми он предполагал личные объяснения обвиняемого (ст. 58 УПК 1923 г.), которые не есть показания. Показания же подсудимого в качестве вида доказательства в законе отсутствовали (ст. 58 УПК 1923 г.). Сам по себе допрос подсудимого при идеальном подходе к токованию не приводил к формированию доказательства. В этом случае можно полагать, что и конкретные правоотношения не возникали. Их в процедуре использования вопросов в допросе подсудимого нет. Скорее всего вопросно-ответная процедура допроса подсудимого являла из себя фактические отношения.

В-четвертых, конструкция правоприменительных отношений в ходе использования вопросов в допросе подсудимого основывалась на преимуществе в порядке проведения допроса подсудимого (предложения ему вопросов) судьи, председательствующего в судебном заседании. Приоритет судьи в части предложения своих вопросов подсудимому сводился к следующим положениям:

– председательствующий всегда первым задавал вопросы подсудимому (ст. 283 УПК 1923 г.), все иные участники уголовного судопроизводства могли задавать свои вопросы после суда;

– в случае согласия подсудимого в ходе допроса судом с предъявленным обвинением, суд мог вообще прекратить судебное следствие, что, в ряде случаев, исключало возможность постановки каких-либо вопросов подсудимому иными лицами (ст. 282 УПК 1923 г.);

– уголовно-процессуальная форма конструирования и использования вопросов подсудимому для суда отсутствовала, фактически суд для конкретного уровня отношений (уголовно-процессуальной деятельности) был судьей в своем собственном деле, сам определял содержание, форму и порядок постановки вопросов подсудимому, на что стороны не могли оказать какого-либо влияния.

Приведенная нормативная база показывает, что отношения в допросе подсудимого, при их рассмотрении в ракурсе эталонной конструкции «право на вопросы — обязанность отвечать — показания подсудимого» могли возводиться лишь к общим правовым отношениям между судом, подсудимым и иными участниками судебного разбирательства. Конкретный уровень регулирования не содержал необходимых нормативных элементов. В такой модели регулирования достройка фактических отношений могла производиться за счет дискреционных процессуальных средств суда.

В теории уголовного процесса относительно научного толкования правил использования вопросов в допросе подсудимого существовали (мы чаще будем использовать результаты научных исследований синхронных периоду действия УПК 1923 г.) следующие мнения.

Анализ научных взглядов начнем с современных научных позиций. Так, Т.Ю. Вилкова, несмотря на то что она усматривала в исследуемом законе некоторые признаки состязательного уголовного процесса, его построение на основе данного принципа ставит под сомнение [3, с. 111]. Основанием для такого суждения данный автор видел в предусмотренной в законе активности суда в ходе судебного следствия,

нацеленности суда на отыскание истины по уголовному делу, чему стороны могли лишь содействовать, но не быть самостоятельными участниками в реализации собственных целей в судопроизводстве. В связи с этим Т.Ю. Вилкова, например, после анализа советской юридической литературы фиксирует наличие в ней общепринятых позиций, показывающих деятельность защитника в качестве лица, содействующего правосудию (суду) [3, с. 112].

Содействие суду как сущность деятельности одной из сторон (в данном случае защиты) указывало на то, что эта сторона фактически должна была реализовывать процессуальную цель, осуществляемую председательствующим, которая к периоду сформированной доктрины права понималась как достижение объективной истины [4, с. 163]. Другой современный исследование УПК 1923 г., солидарно с Т.Ю. Вилковой, так же фиксировал предусмотренную в законе активность суда, в том числе, и относительно процедуры собирания личных доказательств [5, с. 30–31].

Для науки уголовного процесса видится важным точное определение типа процесса. Активность суда и поиск им истины указывают не на состязательный тип процесса, определенный законодателем в УПК 1923 г., а иной. Это должно образовывать и соответствующее содержание отдельных судебных действий. Тип процесса с уровня его принципов соответствующе должен проявлять нормативное подобие в конкретных процедурах вопросов подсудимому.

Для понимания сущности анализируемого закона исключительно важны взгляды современников УПК 1923 г., поскольку именно их позиции отражали исторический момент наиболее

точно. Более того, они могли быть приближены к обсуждению проекта УПК 1923 г., как-то касаться процедуры его создания, поэтому с большей вероятностью представляли волю законодателя.

Так, П.И. Люблинский в комментарии, вышедшем в свет в 1924 г. вскоре после вступления в силу УПК 1923 г., указывал на полномочия суда («круг судейского знания») об определении перечня доказательств, которые могут быть допущены к исследованию или которые стороны могут потребовать через суд от третьих лиц. Это могло относиться к содержанию вопросов, которые стороны в ходе судебного допроса планировали задать подсудимому [6, с. 59–60]. Фактически использование сторонами вопросов подсудимому связывалось с усмотрением председательствующего судьи. Далее тот же автор, комментируя положения ст. 257 УПК о полномочиях председательствующего в судебном заседании, подчеркивал нормативное требование к данному участнику судебного производства о выяснении классовой принадлежности подсудимого [6, с. 192]. Естественно, что подобное, входя в круг исключительных обязанностей суда, становилось и регулятором вопросов, которые суд мог допустить от стороны или заблокировать, в зависимости от классового статуса подсудимого. Кстати, и это входило в содержание истины, отыскиваемой судом, хотя было исключительно субъективным фактором. Процессуальный порядок формулирования и использования вопросов сторонами, вероятно, должен был выводить суд на реализацию поиска классовой объективной истины, что должно было блокировать вопросы сторон (прежде всего, защиты), сконструированные на основе личного процессуального и материального интереса.

Сам по себе переходный период от УУС к УПК 1923 г. сохранял некоторые регуляционные идеи допроса, присущие состязательному процессу. П.И. Люблинский, являясь носителем правосознания периода Российской Империи, основанном на УСС, отмечал, что состязательность в судебном следствии проявляется в равноправии сторон на вопросы, когда вопросам обвинителя защита могла противопоставить свои вопросы, используемые в допросе [6, с. 205]. Однако, с сожалением надо признать, что уважаемый ученый представлял свою публичную позицию достаточно праворомантично. Такой же эффект можно усматривать и в современной науке уголовного процесса, описывающей переход от Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. к УПК 2001 г.

Современный законодатель не смог реализовать в УПК 2001 г. состязательный тип процесса, несмотря на то что представители теории уголовного судопроизводства в своих работах праворомантично ориентировались на него, а правоохранительные органы, консервативно построенные на идеологии реализации розыскного типа процесса, противодействовали этому. Очевидно, что и в 20-х гг. прошлого века идеологической концепцией правоохранительных органов России была не состязательность сторон.

Доминирование суда в процедурах использования вопросов в допросе подсудимого ставилось под сомнение М.С. Строговичем, но уже в период окончания действия УПК 1923 г., что подразумевало завершение научной дискуссии о статусе подсудимого в уголовном процессе. В 1958 г. данный автор писал о целесообразности начала допроса подсудимого (постановки ему вопросов) в первую очередь государ-

ственным обвинителем. М.С. Строгович полагал, что представление права на вопросы подсудимому прежде всего участнику со стороны обвинения наиболее отвечает построению уголовного процесса на основе состязательности [7, с. 414–415].

Относительно обязанности подсудимого отвечать на вопросы суда, сторон, иных участников уголовного процесса прямой научной аргументации мы найти не сможем. Отсутствие соответствующей нормы в законе предопределяло и отсутствие активной дискуссии в науке. Значимым являлось другое. Дело в то, что в советской теории уголовного процесса допрос подсудимого рассматривался в качестве процессуального средства для собирания доказательств. М.С. Строгович, осмысливая содержание УПК 1923 г., писал, что допрос подсудимого для суда и сторон, является средством выяснение существенных обстоятельств дела [6, с. 413]. Из этого следует, что существенным процессуальным инструментарием получения показаний подсудимого являлись вопросы. Однако, если полагать, что эти вопросы в равной мере должны были использоваться сторонами и судом для выяснения обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу, то это являлось бы очевидным признаком розыскного типа процесса, реализованного в законе. Возможно, однако, что социальная среда периода действия УПК 1923 г. не позволяла представителям юриспруденции откровенно формулировать свою публичную позицию. Дело в том, что, М.С. Строгович, с одной стороны, оговаривал различие процессуальных задач сторон обвинения и защиты, утверждая, что участие прокурора в допросе являлось его процессуальным средством для обоснования уголовного

преследования подсудимого, а участие защитника — возможностью выявить необходимые защите обстоятельства, а, с другой стороны, отмечал, что если в ходе судебного следствия суд и стороны не использовали своего правомочия на постановку необходимых вопросов, то «это значит, что дело в судебном следствии исследовано *неполно* (здесь и далее в цитатах курсив наш. — Л.З.)» [7, с. 413]. Отказываясь отвечать на вопросы (не считая это своей процессуальной обязанностью) подсудимый оказывался причастным к неполноте судебного следствия.

Полнота судебного следствия, конечно же, должна была включать постановку всех вопросов подсудимому, позволяющих достичь истины в уголовном судопроизводстве. М.С. Строгович гармонично своей позиции указывал на то, что судебное следствие по правилам УПК 1923 г. «ведется не сторонами, а самим *судом*», стороны же являются лишь процессуальными помощниками суда в уголовно-процессуальном познании истины по рассматриваемому уголовному делу [8, с. 265]. В более ранней работе, максимально приближенной к моменту вступления УПК 1923 г. в силу, М.С. Строгович подчеркивал, что в ряде случаев стороны могут не использовать свое правомочие на вопросы в связи с тем, что сам суд своими вопросами в ходе допроса подсудимого уже «выяснил всю картину дела» [8, с. 285]. В этом мы видим явное розыскное правопонимание представителями науки советского уголовного процесса рассматриваемого периода. Правореалистичный подход практиков толкал их (суд, в том числе) на использование обвинительных по сути вопросов подсудимому, настаивании суда и стороны обвинения в различных формах на ответах подсудимого.

Попытки отдельных ученых придать порядку задавания вопросов признаки состязательного процесса видятся именно попытками этого. Сущность же уголовного процесса, масштабируемая на порядок формулирования и использования вопросов, адресуемых подсудимому, требовала иного. Более откровенно позицию в этой части определял А.Я. Вышинский. Он писал, что уголовный процесс является совокупностью норм, нацеленных на господство правящего класса, использование принуждения для реализации цели этого класса [9, с. 14]. С этой точки зрения в ходе судебного следствия, надо полагать, должны были отсекаются те вопросы подсудимому сторон, которые не отвечали политической задаче (цели господствующего класса), и, наоборот, требовать (считая это квазиобязанностью подсудимого) отвечать на необходимые для господствующей социальной группы вопросы.

Примечательно, что в теории уголовного судопроизводства первой половины XX в. вниманию участия в допросе иных, помимо суда и прокурора лиц, уделялось минимальное внимание, они лишь указывались в очередности тех участников допроса, которые могли задать свои вопросы подсудимому [9, с. 177]. Вероятно, и в этом случае научные задачи (как и задачи правоприменительной практики) определялись идеологическими факторами.

Объект правоотношений в допросе подсудимого в догме советского права, по нашему мнению, представлялся достаточно неконкретно. Так, М. Андреев, Г. Бахров, С. Лозинский в 1927 г. писали, что показаниями подсудимого являются его личные устные и письменные объяснения, имеющие отношение к обстоятельствам рассматриваемого в суде дела, являющиеся

результатом его судебного допроса [10, с. 108–109]. На первый взгляд, такой подход позволял бы констатировать наличие правовых отношений, если бы у подсудимого была юридическая обязанность отвечать на вопросы, корреспондирующая субъективному праву (правомочию) допрашивающего его лица задавать вопросы, и порядок получения (дачи) объяснений предусматривал возможность использования вопросов. Примечательно, что соавторы сущность допроса (его содержание) видели в вопросах, прямо на это указывая [10, с. 110], но придавали показаниям подсудимого двоякий смысл. В первую очередь, таковыми они считали объяснения подсудимого, а во вторую — ответы подсудимого на вопросы суда и сторон, умалчивая, кстати об иных участниках судебного следствия [10, с. 163].

Часть позиции соавторов нам кажется сомнительной. Дело в том, что личные объяснения подсудимого — реализация его личной уголовно-процессуальной активности. Это не допрос, который проявляется в вопросах, и дает результат — ответы. Объяснение — позиция самого подсудимого, представляемая суду, соответствующая его личным процессуальным задачам (интересам), для чего используется его же процессуальное средство — процедура дачи объяснений. В этой модели регулирования суд (стороны) не имели права требовать ответов, а подсудимый не был обязан отвечать на них.

М.С. Строгович и Д.А. Карницкий в 1928 г. касательно фиксации вопросов подсудимому в ходе его допроса указывали на меньшую их значимость для протокола судебного заседания, чем показаний [8, с. 77]. Допрос и его результат в этом случае произвольно разрывался, не позволяя дать оценку

показаниям по критерию допустимости в соотношении с порядком допроса (правилами постановки вопросов).

Наиболее ярко контрпозиция нашей гипотезе проявляется в работе известного советского ученого И.Д. Перлова (1955 г.). Его точка зрения абсолютно гармонична правовой системе того времени, максимально близка правилам УПК 1923 г., точно следует идеологическому мейнстриму. Данный автор полагал, что допрос подсудимого является средством «достижения *объективной истины*» [4, с. 163], но одновременно процессуальным результатом (показаниями), включающими в себя как свободный рассказ подсудимого о всех обстоятельствах исследуемого в суде дела (личные объяснения), так и ответы подсудимого на вопросы суда и сторон [4, с. 130–131]. Подобный подход, однако, весьма сложно реализовать в настоящем исследовании с применением шаблона уголовно-процессуальных отношений.

Классическое понимание правоотношений в их приложении к рассматриваемому действию присутствовало в работе П.И. Люблинского 1924 г. Вскоре после вступления в силу УПК 1923 г., что важно для толкования исходной воли законодателя, данный автор писал о том, что судебный допрос характеризуется наличием обязанности у допрашиваемого лица давать ответы на вопросы допрашивающих лиц, личное же объяснение подсудимого не является его обязанностью, а только тем, что он «*желает* ответить перед судом» [11, с. 23]. Получалось, что объектом уголовно-процессуальных отношений, ради которого допрашивающее лицо и допрашиваемый участник судебного разбирательства могли вступать в процессуальную связь, были показания, но они прямо не рассматривались в ка-

честве доказательства, что исключало смысл данной связи.

С.В. Позднышев, представлял это несколько иной схемой, которую можно было рассматривать как правовые отношения. Данный автор считал, что подсудимый имел право давать личные объяснения, а суду присваивалась обязанность выслушать подсудимого [12, с. 44]. В этом случае можно увидеть проявление правовых отношений, но относительно выбранного ракурса, когда нам надо выявлять связь между правомочием на вопросы подсудимому, и обязанностью данного лица отвечать на вопросы, она опять видится невозможной. Дело в том, что в законе не устанавливалось для каких-либо участников правомочие на вопросы в ходе дачи подсудимым личного объяснения.

Проявляя признаки нормозависимости своей позиции, советская теория уголовного процесса констатировала, что фактически отношения в судебной допросе подсудимого могли строиться лишь на доминанте одного из участников. Отражая этот фактор, И.Д. Перлов писал о том, что суд имеет процессуальный интерес в допросе подсудимого, в ходе которого он «дал бы *правдивые* показания о всех обстоятельствах, имеющих отношение к делу» [4, с. 129]. Такое суждение достаточно естественно, поскольку советский суд в конструкции закона рассматривался носителем обязанности по познанию истины в уголовном деле. В связи с этим ему было необходимо проявлять уголовно-процессуальную активность, в том числе и в допросе подсудимого, отсекая мешающие ему формы активности иных участников судебного следствия. В такой ситуации логично суждение М.С. Строговича и Д.А. Карницкого о том, что судебное следствие есть превалирующее полномочие суда,

а не сторон, что имеет по их мнению «громадное значение» [8, с. 265]. Используемое сравнение авторы возводили в абсолют относительно допроса подсудимого и на основании этого формулировали суждения о том, что сами по себе процессуальные задачи допроса подсудимого могут быть исчерпаны судом. Вопросы, заданные подсудимому субъектом, выполняющим функции разрешения дела по существу, в связи с этим виделись в некоторых случаях полностью выясняющими существо дела, что исключало вопросы подсудимому иных участников [8, с. 285]. При этом сами правила формулирования и использования вопросов подсудимому одновременно характеризовались М.С. Строговичем и Д.А Карницким по правилам дискреционности, когда отсутствие сформулированных законодателем процедур и процессуальных критериев создавало элемент усмотрения допрашивающего участника, в том числе суда [8, с. 285].

Анализ теоретической базы статьи, таким образом, позволяет усматривать в догме советского права, с одной стороны, зависимость суждений ученых от положений закона, с другой стороны, в научных позициях проявлялась склонность к такому толкованию закона, которое корректировало понимание в пользу розыскных начал (доминирования властных участников отношений) в использовании вопросов в допросе подсудимого.

Вывод и заключение

В итоге мы можем прийти к следующему выводу.

Использование вопросов как элементов допроса подсудимого, при рассмотрении данной процедуры в контексте классической модели правоотношений, позволяет фиксировать

их отсутствие на конкретном уровне. Правомочие на постановку вопросов подсудимому отсутствовало в общих полномочиях всех участников уголовного процесса, на уровне диспозиции нормы, определяющей конкретные правила формулирования и использования вопросов в допросе подсудимого, образовывало приоритетное право суда (председательствующего) на вопросы с минимизацией уголовно-процессуальной активности сторон в этой части.

Фактические отношения в процедуре использования вопросов в допросе подсудимого можно было рассматривать лишь в качестве проявления общих правоотношений между судом и подсудимым, которые, однако, являли из себя уголовно-правовые (материальные) отношения и не позволяли выявлять процессуальное подобие (системность) внутри всего уголовно-процессуального закона.

Возникающая дисгармония уголовно-процессуальных отношений создавала простор для заполнения лакун или разрешения коллизий дискрецией суда или даже элементы произвольного определения правил, подлежащих реализации на конкретном уровне использования вопросов в допросе подсудимого.

Возможно, что исходная идея советского законодателя состояла в том, что показания подсудимого не должны являться доказательством по уголовному делу, допрос подсудимого не мог быть средством собирания доказательств, предусмотренное же в законе личные объяснения подсудимого могли ориентировать судопроизводство в части собирания, проверки и оценки иных доказательств, которые и предполагались базой для разрешения дела по существу. Необходимости в вопросах в этом случае не было.

Список использованной литературы

1. Соя-Серко О.А. Допрос подсудимого в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.А. Соя-Серко. — Москва, 1969. — 16 с.
2. Зашляпин Л.А. Советская модель обеспечения права на защиту и права на вопросы обвиняемого в допросах / Л.А. Зашляпин. — DOI 10.15688/lc.jvolsu.2023.1.13 // *Legal Concept*. — 2023. — Т. 22, № 1. — С. 94–99.
3. Вилкова Т.Ю. Участие защитника в уголовном процессе по УПК РСФСР 1923 года / Т.Ю. Вилкова. — EDN SJHXdJ // *Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)*. — 2014. — № 1 (1). — С. 110–131.
4. Перлов И.Д. Судебное следствие в советском уголовном процессе : в 4 т. / И.Д. Перлов. — Москва : Госюриздат, 1955. — Ч. 2. — 248 с.
5. Сысков В.Л. О полномочиях суда по собиранию и исследованию доказательств по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года и УПК РСФСР 1922, 1923 года / В.Л. Сысков. — EDN JUEYVL // *Юридические науки*. — 2006. — № 5. — С. 28–31.
6. Люблинский П.И. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : текст и постатейный комментарий с прил. алфавитно-предметного указателя / П.И. Люблинский, Н.Н. Полянский. — Москва, 1924. — 376 с.
7. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. — 703 с.
8. Строгович М.С. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : текст и постатейный коммент. : с прил. проекта УПК / М.С. Строгович, Д.А. Карницкий. — Москва : Юрид. изд. НКЮ РСФСР, 1928. — 534 с.
9. Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса / А.Я. Вышинский. — Москва : Юридич. изд-во Наркомюста РСФСР, 1927. — 222 с.
10. Андреев М. Уголовный процесс РСФСР / М. Андреев, Г. Бахров, С. Лозинский ; под ред. А.Я. Эстрина. — Ленинград : Рабочий суд, 1927. — 208 с.
11. Люблинский П.И. О доказательствах в уголовном суде : практический комментарий к главе IV Угол.-процес. кодекса / П.И. Люблинский. — 2-е изд. — Москва : Право и Жизнь, 1924. — 62 с.
12. Познышев С.В. Доказательства в уголовном процессе / С.В. Познышев. — Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1929. — 190 с.

References

1. Soya-Serko O.A. *The Interrogation of the Accused in Soviet Criminal Process. Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 1969. 16 p.
2. Zashlyapin L.A. The Soviet Model Ensuring the Right to Defense and the Right to Questions of the Accused during Interrogations. *Legal Concept*, 2023, vol. 22, no. 1, pp. 94–99. (In Russian).
3. VilkoVA T.Yu. Participation of a Defense Lawyer in the Criminal Procedure Pursuant to the Code of Criminal Procedure of the Russian Soviet Federative Socialist Republic, 1923. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina = Courier of the Kutafin Moscow State Law University*, 2014, no. 1, pp. 110–131. (In Russian). EDN: SJHXdJ.
4. Perlov I.D. *Court Investigation in Soviet Criminal Process*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1955. Pt. 2. 248 p.
5. Syskov V.L. On the Jurisdiction of the Court to Collect and Research Evidence under the Statute of Criminal Court Proceedings of 1864 and the Criminal Procedure Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic of 1922, 1923. *Yuridicheskie nauki = Legal Sciences*, 2006, no. 5, pp. 28–31. (In Russian). EDN: JUEYVL.
6. Lyublinskii P.I., Polyanskii N.N. *Criminal Procedure Code of the RSFSR*. Moscow, 1924. 376 p.
7. Strogovich M.S. *Course of the Soviet Criminal Process*. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences Publ., 1958. 703 p.
8. Strogovich M.S., Karnitskii D.A. *Criminal Procedure Code of the RSFSR*. Moscow, Yuridicheskoe Izdatel'stvo NKYu RSFSR Publ., 1928. 534 p.
9. Vyshinskii A.Ya. *Course of Criminal Procedure*. Moscow, Yuridicheskoe Izdatel'stvo Narkomyusta RSFSR Publ., 1927. 222 p.

10. Andreev M., Bakhrov G., Lozinskii S.; Estrina A.Ya. (ed.). *Criminal Proceedings of the RSFSR*. Leningrad, Rabochii sud Publ., 1927. 208 p.

11. Lyublinskii P.I. *On Proofs in Criminal Court. Practical Commentary to Chapter IV of the Criminal Procedure Code*. Moscow, Pravo i Zhizn Publ., 1924. 62 p.

12. Poznyshhev S.V. *Proofs in Criminal Procedures*. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe Izdatelstvo Publ., 1929. 190 p.

Информация об авторе

Зашляпин Леонид Александрович — кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовно-процессуального права, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Author Information

Zashlyapin, Leonid A. — Ph.D. in Law, Lecturer, Department of Criminal Procedure Law, Northwestern Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, the Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 06.07.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 09.10.2023

Принята к публикации / Accepted 10.11.2023

Дата онлайн-размещения / Available online 05.12.2023